

Покровский А. И. [Рец. на:] *Глаголев А.* Ветхозаветное библейское учение об ангелах: Опыт библейско-богословского исследования. Киев, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 6. С. 401–414 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Глаголевъ. „Ветхозавѣтное библейское ученіе объ ангелахъ“. Опытъ библейско—богословскаго изслѣдованія. Кіевъ 1900 г.

Повидимому ужъ если гдѣ-либо еще, то въ вопросахъ религіи и вѣры всего менѣе позволительно непризванное учительство и поверхностный диллетантизмъ. А между тѣмъ какъ разъ наоборотъ: здѣсь то, именно, всего болѣе мы и встрѣчаемся съ этими нежелательными явленіями. По какому-то печальному недоразумѣнію у насъ принято думать, что область религіознаго вѣдѣнія не требуетъ никакихъ особыхъ спеціальныхъ познаній, что достаточно лишь самаго общаго, поверхностнаго знакомства съ ея предметами, чтобы выступать въ роли религіознаго учителя и проповѣдывать *inibi et orbis*. И даже, чѣмъ меньше подобный учитель обнаруживаетъ серьезнаго знакомства съ основными религіозными источниками, чѣмъ независимѣе стоитъ онъ отъ нихъ, чѣмъ оригинальнѣе и субъективнѣе въ пониманіи ихъ, тѣмъ очевиднѣе его успѣхъ, тѣмъ больше количество его послѣдователей и учениковъ, тѣмъ сильнѣе его вліяніе на умы. Чтобы не ходить далеко за доказательствами этого, сошлемся на примѣръ нашего религіознаго реформатора и своеобразнаго моралиста—пресловутаго Льва Толстого, который не только перестроилъ всю религіозную систему христіанства, но и перекроилъ по своему вкусу содержаніе самого Евангелія.

Ключъ къ разгадкѣ такого ненормальнаго положенія вещей лежитъ въ нашемъ плохомъ знаніи вѣроучительныхъ источниковъ, открывающемъ возможность считать подлинно Евангельскимъ ученіе, прямо ему противорѣчащее, какъ это очевидно на примѣрѣ того-же Льва Толстого. Отсюда, сама собою возникаетъ настоятельная необходимость основательнаго знанія если не всей вообще вѣры и нравоучительной системы христіанства, то по крайней мѣрѣ ея основоположительнаго источника, т. е. Библии. А между тѣмъ не только наше образованное общество, которое почти вовсе не знаетъ Библии и заключающагося въ ней ученія, но далеко не всѣ и наши богословы могутъ похвалиться обстоятельнымъ знакомствомъ съ этимъ первоисточникомъ истиннаго богословія. Естественно, что самымъ радикальнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ опаснымъ недугомъ будетъ основательное и глубокое изученіе Библии, соединенное съ всесторонне-полнымъ и по возможности систематическимъ освѣщеніемъ ея религіознаго содержанія. Потребность эта не только сознана, но до извѣстной степени уже и удовлетворена въ западномъ богословіи, гдѣ она породила собою особую науку, извѣстную подъ именемъ „библейскаго богословія“. Предметъ этой науки, обязанной своимъ развитіемъ, главнымъ образомъ, ученымъ трудамъ протестантскихъ богослововъ, составляетъ историко-генетическое раскрытіе библейско-религіознаго ученія, содержащагося въ каноническихъ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Многіе изъ этихъ трудовъ отличаются полнотой въ раскрытіи библейскаго вѣроученія и глубиной историко-филологическаго его пониманія. Но большинство ихъ къ сожалѣнію проникнуто довольно рѣзко выраженной рационалистической окраской.

Въ самое послѣднее время эта важная наука начинаетъ мало по малу прививаться и на русской богословской почвѣ, хотя кругъ ея работниковъ и количество ихъ трудовъ еще слишкомъ ограниченны, а потому нельзя не привѣтствовать здѣсь cadaго новаго явленія. Въ концѣ прошлаго года эта юная наука получила еще новаго работника, подарившаго ее обширнымъ и серьезнымъ трудомъ по одному изъ трудныхъ и даже на западѣ сравнительно мало разработанныхъ вопросовъ, мы разумѣемъ г. А. *Глаголева* съ его книгой: Ветхозавѣтное библейское ученіе объ ангелахъ“.

Наше знакомство съ этой книгой долгое время было сначала заочнымъ, почерпнутымъ изъ различныхъ, почти исключительно хвалебныхъ отзыовъ, которые выпали на ея долю, въ качествѣ кандидатской (въ проток. Кіев. Дух. Акад. 1897/8 уч. г.), а затѣмъ и магистерской работы. Основываясь на этихъ отзывахъ, мы уже заранѣе составили себѣ самое лестное представленіе объ этой книгѣ, какъ о новоявленной „жемчужинѣ“ и „прекрасной новизнѣ“ въ ученой богословской литературѣ; такъ что, получивъ, наконецъ, самую книгу, мы приступили къ чтенію ея съ самыми лучшимъ предрасположеніями въ ея пользу. Къ сожалѣнію, дѣйствительность, не оправдала всѣхъ нашихъ надеждъ и на ряду съ несомнѣнными достоинствами труда, открыла намъ въ немъ нѣчто и такое, что въ интересахъ какъ самаго даннаго труда, такъ еще болѣе новой у насъ науки, едва ли можно признать желательнымъ и достойнымъ подражанія. Но чтобы не показаться, однако, голословными въ своихъ сужденіяхъ о данной книгѣ, войдемъ въ болѣе детальный ея анализъ и иллюстрируемъ свои отзывы соответствующими примѣрами. Да не посѣтуетъ на насъ уважаемый авторъ труда, если мы, въ интересахъ истины и справедливости, прибавимъ нѣсколько темныхъ штриховъ къ той, почти исключительно яркой картинѣ, которую рисуютъ наши предшественники въ своихъ отзывахъ о немъ.

Обширный по своему объему (размѣръ котораго, впрочемъ, почти наполовину зависитъ отъ весьма разгонистаго и крупнаго штрифта печати) трудъ г. Глаголева открывается предисловіемъ (I—VI) и введеніемъ (1—14), въ которыхъ онъ старается опредѣлить предметъ и методъ своей работы. Но онъ дѣлаетъ это, на нашъ взглядъ, не достаточно ясно, твердо и устойчиво. Такъ, заявивъ въ самыхъ первыхъ строкахъ своего предисловія, что „предметомъ предлагаемаго сочиненія служить *систематическое* изложеніе ученія ветхаго завѣта объ ангелахъ“, онъ двумя страницами ниже довольно рѣшительно отказывается отъ такого опредѣленія, говоря, что „по предмету и задачѣ своимъ, предлагаемое изслѣдованіе *всецѣло* относится къ области науки Библейскаго богословія, которая *въ отличіе отъ систематической догматики*, имѣетъ своимъ предметомъ историко-генетическое изложеніе вѣроученія священныхъ библейскихъ книгъ“ (IV).

Тоже самое повторяетъ онъ и дальше, во введеніи, говоря, что „историко-экзегетическое изложеніе ветхозавѣтнаго библейскаго ученія объ ангелахъ и составляетъ задачу нашего настоящаго труда“ (9 стр.). Вообще, на протяженіи почти всего предисловія и введенія авторъ усиленно доказываетъ ту, совершенно правильную, мысль, что ветхозавѣтное богословіе не знаетъ систематической догматики, а имѣетъ дѣло лишь съ постепеннымъ ходомъ историческаго развитія вѣро- и правоучительныхъ идей. Назвать свой трудъ „систематическимъ“, а затѣмъ и „догматическимъ“ (10 стр.) автору, повидимому, подало соблазнъ то обстоятельство, что онъ, исходя изъ идеи теократическаго служенія ангеловъ раздѣлилъ его на четыре главныхъ части: 1) ученіе объ Ангелѣ—Іеговы, 2) объ ангелахъ въ собственномъ смыслѣ, 3) о херувимахъ и серафимахъ, какъ ангелахъ особаго рода и 4) о сатанѣ, какъ зломъ ангелѣ, дѣйствовавшемъ въ оппозиціи цѣлямъ и планамъ божественнаго домостроительства. Но не говоря уже о томъ, что подобную „систематичность“ обязанъ имѣть всякій, даже и чисто историческій трудъ, если только онъ не хочетъ представлять безпорядочной груды разнообразнаго матеріала, въ ней нѣтъ ничего специфически догматическаго: такое дѣленіе можно произвольно увеличивать (выдѣляя напр. во второй главѣ трактатъ о личныхъ ангелахъ), сокращать (объединяя напр. вторую и третью главы) и радикально измѣнять, устанавливая совершенно иные принципы дѣленія. Даже, стоя на почвѣ той-же теократической идеи, не только можно, но даже и должно внести существенную поправку въ дѣленіе автора, выдвинувъ въ начало книги поставленный въ концѣ ея догматъ спасенія, съ точки зрѣнія котораго получаетъ надлежащее освѣщеніе вся ангеология и демонологія, и благодаря чему уничтожается та искусственная пропасть между Ветхо-и Новозавѣтнымъ ученіемъ объ ангелахъ, на которую справедливо критика указывала уже автору.

Въ концѣ введенія авторъ даетъ бѣглый очеркъ своихъ источниковъ и пособій, останавливая на себѣ наше вниманіе нѣкоторой односторонностью и неполнотой. Первое свойство заявляетъ о себѣ тѣмъ, что авторъ исключительно сосредоточивается на протестантской отрицательной и полу-отрицательной литературѣ, гораздо менѣе удѣляя вниманія

положительной и почти вовсе игнорируя католическую литературу, не смотря на то, что въ ней имѣется не мало и весьма цѣннаго для него матеріала. (Укажемъ хотя-бы на серію трудовъ Vigouroux, въ особенности на его новѣйшій капитальный трудъ „Dictionnaire de la Bible“, а также на лучший изъ новѣйшихъ комментаріевъ „Cursus Scripturae Sacrae Кнabenbauer'a, Cornely и Hummelauer'a). Что касается неполноты пособій, то въ особенности бѣдно представлена здѣсь русская литература, гдѣ опущены не только почти всѣ журнальныя статьи, имѣющія отношенія къ предмету темы, но и большинство специальныхъ трудовъ по ветхозавѣтной библейской исторіи (проф. Якимова, Троицкаго, Богородскаго, Покровскаго, Властова, Малицкаго, Вишнякова, Елеонскаго, Доброправова, Соловьева и др.).

Предметомъ первой главы—служить ученіе объ Ангелѣ—Іеговы, составляющее центральный пунктъ всего изслѣдованія, хотя оно разработано авторомъ съ особой любовью и полнотой, тѣмъ не менѣе вызываетъ на возраженія. Авторъ ставитъ себѣ здѣсь двѣ задачи: а) уяснить, что Ангелъ Іеговы по своей природѣ—не обыкновенный, тварный ангелъ, но Личность Божественнаго достоинства и б) доказать, что это было, именно, второе Лице св. Троицы—Сынъ Божій или Логось по позднѣйшей ветхозавѣтной теологіи.

Съ первой изъ нихъ авторъ справляется въ общемъ вполне удачно, доказавъ на основаніи Ветхаго и Новозавѣтнаго текста, свидѣтельствъ оо. и лучшихъ экзегетовъ, что Ангелъ Іеговы былъ лицомъ Божественнымъ. Но нельзя того же сказать о второй изъ постановленныхъ имъ задачъ: здѣсь аргументація автора, не смотря на массу затраченныхъ имъ усилій, остается слабой и неубѣдительною: она часто падаетъ подъ ударами тѣхъ возраженій, которыя ставитъ себѣ самъ же авторъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя онъ благоразумно обходитъ. Къ возраженіямъ первой категоріи должно отнести, напр. приведенныя авторомъ Новозавѣтныя свидѣтельства о ветхозавѣтныхъ богоявленіяхъ (60—62 стр.), въ которыхъ авторъ тщетно старается найти опору для своего пониманія, но которыя въ дѣйствительности лишь опровергаютъ его, устанавливая, что субъектомъ патріархальныхъ богоявленій былъ не Логось, но самъ Богъ-Отецъ (Быт. XVII, XVIII, XXII гг. Дн. VII, 2 Евр. VI, 13 и пр.). Сюда же отно-

сится указаніе автора, что Малеахъ—Иегова равенъ Малеахъ—Элогимъ (67 стр.), т. е. имени, служащему обозначеніемъ Бога-Отца. Слабо опровергаетъ авторъ и то сильное возраженіе, почему въ исторіи ветхозавѣтнаго ученія объ Ангелѣ Иеговы, какъ Обѣтованномъ Мессіи, получился такой громадный перерывъ, который представляетъ собой вся учительная и пророческая священная письменность (70 стр.). Если авторъ ссылается здѣсь на возникновеніе новыхъ болѣе развитыхъ и совершенныхъ мессіанскихъ идей хокмической литературы, то не понятно, почему же въ самомъ концѣ этого періода, у послѣ плѣнныхъ пророковъ со всей силой стало снова воскресать устарѣлое и забытое представленіе объ Ангелѣ Иеговы? Наконецъ, во взглядѣ автора на Ангела Иеговы мы встрѣчаемся и съ нѣкоторымъ непонятнымъ противорѣчіемъ: съ одной стороны, онъ неоднократно и выразительно подчеркиваетъ тождество Иеговы съ Логосомъ (15, 17, 41, 61 и пр.) и указываетъ на универсальный, общечеловѣчскій характеръ его дѣятельности (67 стр); съ другой—онъ рѣзко ограничиваетъ его дѣятельность тѣсными рамками іудейской теократіи (221). Очевидно, въ послѣднемъ случаѣ, матеріалъ, собранный авторомъ безсознательно для него самого приводилъ его къ вполне вѣрному заключенію о различіи дѣятелей сверхъестественнаго (въ избранномъ Еврейскомъ народѣ—Богъ-Отецъ) и естественнаго откровенія (Логосъ—въ языческомъ мірѣ).

Что же касается возраженій, идущихъ со стороны того же библейскаго текста, но опущенныхъ авторомъ, то значительный сводъ ихъ данъ въ спеціальной статьѣ одного изъ его оппонентовъ, довольно твердо устанавливающей, что подѣ Ангеломъ Иеговы должно разумѣть Самого Бога-Отца ¹⁾. Вообще, намъ невольно жаль безплодно потраченныхъ усилій автора: ему важно и нужно было доказать, что подѣ Ангеломъ Иеговы должно разумѣть лице Божественное и онъ прекрасно сдѣлалъ это; но не довольствуясь даннымъ результатомъ, онъ захотѣлъ во что бы то ни стало точно опредѣлить и то, какое, именно, это изъ лицъ Св. Троицы? И здѣсь онъ допустилъ не мало натяжекъ, передержекъ и не домолвокъ, чтобы отстоять свой тезисъ, который, собственно го-

¹⁾ Проф. Ястребова. Къ вопросу объ ангелѣ Иеговы. Тр. Кіев. Дух. А. к. 1900 г. Ноябрь.

вора, и не имѣеть особеннаго значенія, отзываясь чѣмъ то схоластическимъ.

Изъ частныхъ недостатковъ этой главы укажемъ на нѣсколько поверхностное изложеніе авторомъ интереснаго и важнаго раввинскаго ученія о Метатронѣ (24—25), на странное, что-бы не сказать больше, опредѣленіе „имени Іеговы“, какъ „компактнаго выраженія для совокупности всѣхъ откровеній и дѣлъ, явленныхъ Іеговой въ исторіи“ (125 стр.) и на фразу, взятую имъ у одного изъ протестантскихъ экзегетовъ, что со времени потопа (почему, именно потопа?) сферой пребыванія Божія дѣлается небо“, (69 стр.), которую мы затрудняемся понимать.

Вторая, самая обширная глава изслѣдованія г. Глаголева (177—416), заключающая въ себѣ трактатъ объ ангелахъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова, представляетъ по нашему мнѣнію, лучший, наиболѣе полно и обстоятельно разработанный отдѣлъ его книги. Однако и она точно также не свободна отъ нѣкоторыхъ возраженій и недостатковъ. Къ числу ихъ относится, прежде всего, серьезный пропускъ въ началѣ перваго отдѣла данной главы раввинскаго ученія о способѣ творенія ангеловъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое отраженіе этого ученія можно наблюдать и въ новозавѣтной литературѣ, въ особенности въ посланіяхъ ап. Павла. Правда, авторъ вскользь упоминаетъ о немъ гораздо ниже, въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній (292—293); но онъ дѣлаетъ это не на своемъ мѣстѣ и не съ достаточной силой.

Слѣдующій далѣе трактатъ автора о наименованіяхъ ангеловъ *elohim* и *bene elohim* кажется намъ слабѣе. Здѣсь авторъ, ложно понимая интересы своей темы, неоднократно даетъ неправильное истолкованіе библейскаго текста, таково, напр. его объясненіе Быт. III, 5 „будете, какъ Боги“ и III, 22 ст. „вотъ Адамъ сталъ, какъ одинъ отъ Насъ“, правильное объясненіе которыхъ, какъ филологіей, такъ и всѣмъ ходомъ повѣтствованія ясно указываетъ здѣсь на Самого Бога, а отнюдь не на ангеловъ, какъ усиливается доказать то авторъ (186—187).

Столь-же, если еще не болѣе, ложно и данное авторомъ толкованіе извѣстнаго мѣста о „сынахъ Божіихъ“ изъ начала 6-ой гл. кн. Бытія. Такъ какъ автору болѣе благопріятно

толкованіе этого мѣста въ смыслѣ „ангеловъ“, а не въ смыслѣ „сифитовъ“, какъ это принято въ ортодоксальной экзегетикѣ, то онъ положительно не щадитъ красокъ, чтобы первое пониманіе выставить въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, лишь мимоходомъ касаясь другаго, не менѣе популярнаго толкованія. Въ своемъ увлеченіи, благопріятствующимъ ему толкованіемъ даннаго мѣста, авторъ доходитъ далѣе до того, что рѣшается назвать его „общепринятымъ въ настоящее время“ (203), становясь тѣмъ самымъ въ явное противорѣчіе не только съ дѣйствительностью, но и съ своимъ-же собственнымъ утвержденіемъ, что „ученіе объ ангелахъ, какъ сынахъ Божіихъ въ древнихъ библейскихъ книгахъ мало развито“ (254), что въ частности рассказъ VI гл. 1—4 ст. Бытія „нельзя считать изображеніемъ паденія ангеловъ“ и что „самое упоминаніе здѣсь ангеловъ навсегда останется сомнительнымъ“ (698 стр.).

Нельзя не упрекнуть автора за слабую разработку имъ такихъ важныхъ и интересныхъ отдѣловъ, какъ трактаты „о внѣшнемъ образѣ явленія ангеловъ людямъ“ (233—236), „внѣшнемъ видѣ самихъ ангеловъ“ (319) и „о символикѣ ангеловъ въ изображеніяхъ послѣ плѣнныхъ пророковъ“ (404—406 стр.). А между тѣмъ сколько благодарнаго матеріала даетъ въ этомъ отношеніи Библія! И какъ-бы пріятно было читателю отдохнуть здѣсь на твердыхъ фактическихъ данныхъ отъ различныхъ критическихъ и гипотетическихъ разсужденій автора!

Не согласны мы и съ даннымъ авторомъ толкованіемъ божественнаго имени—„Іегова-Цебаотъ“, гдѣ на первый планъ онъ усиленно выдвигаетъ идею „ангельскихъ воинствъ“, отъясняя назадъ коренную и первообразную мысль о „небесныхъ свѣтилахъ“ (249, 250, 253, 255); между тѣмъ какъ дѣйствительное взаимоотношеніе этихъ понятій должно быть, по нашему мнѣнію, совершенно обратнымъ.

Непонятнымъ осталось для насъ также и то, на какомъ основаніи въ понятіи ruach (что значитъ „духъ“) авторъ усматриваетъ родство съ именемъ elohim (что значитъ „силы“)? (277 стр.). Да и вообще, не слишкомъ-ли много приписывается здѣсь ветхозавѣтной теологін, когда усматривается въ ней идея чистой духовности ангеловъ? Не остается-ли, наоборотъ, вопросъ о нѣкоторой, своеобразной плотяности

ангельской природы открытымъ даже для новозавѣтнаго сознанія, насколько мы можемъ судить объ этомъ по частнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ оо. Церкви?

Въ заключеніе этой главы, авторъ снова впадаетъ въ тонкое самопротиворѣчіе: онъ неоднократно и съ большой силой утверждаетъ полную и безусловную самобытность библейской символики ангеловъ по канонической литературѣ, энергично отгоняя всякій разъ самую мысль о какомъ-бы то ни было вліяніи на нее со стороны парсизма или эллинизма. Но онъ охотно допускаетъ это вліяніе на произведенія неканонической литературы (416); а между тѣмъ о послѣдней авторъ самъ-же говоритъ, что „во всѣхъ ея пунктахъ должно признать чистое библейское ученіе, которому могутъ быть указаны соотвѣтствующія параллели въ канонич. письменности“ (415). Получается, какъ видимъ, нѣчто не совсѣмъ сообразное, и намъ думается, что если-бы авторъ былъ немного уступчивѣе въ первомъ случаѣ, то ему не пришлось-бы оказаться столь непослѣдовательнымъ и во второмъ.

Въ двухъ отдѣлахъ третьей главы своей книги авторъ подробно изслѣдуетъ библейское ученіе о двухъ особыхъ видахъ ангельскаго міра: о „херувимахъ и серафимахъ“ и дѣлаетъ это толково и умѣло. Однако встрѣчаются слабыя пункты и здѣсь, въ особенности въ отдѣлѣ о херувимахъ. Изъ числа ихъ отмѣтимъ, прежде всего, усиленную тенденцію автора изгнать во что-бы то ни стало идею божествен. стража изъ первобытнаго представленія о херувимахъ (480—486). Ея ошибочность очевидна изъ признанія самого-же автора, что „исходнымъ пунктомъ и основнымъ мѣстомъ въ изложеніи ветхозавѣтнаго ученія о херувимахъ является свидѣтельство кн. Бытія о поставленіи Богомъ херувимовъ для охраненія рая“ (452); отсюда ясно, что стражеская функція не только не исключалась изъ библейскаго представленія о херувимахъ, но скорѣй доминировала въ немъ, въ особенности на первыхъ порахъ его развитія.

Указанное заблужденіе автора выходитъ, какъ мы видимъ дальше, изъ другаго, еще болѣе явнаго заблужденія, утверждающаго тѣтъ будто-бы „исторически-несомнѣнный фактъ, что законодательство Моисея во всемъ своемъ составѣ отрицаетъ и устраняетъ всякую, даже внѣшнюю (sic!) связь съ языческими представленіями и идеями“ (484). На самомъ-же

дѣлѣ этого, разумѣется, не было, да и быть не могло: съ одной стороны, потому, что нельзя же все язычество считать сплошнымъ заблужденіемъ, такъ какъ вѣдь и въ немъ сохранялись смутные остатки первобытнаго откровенія и дѣйствоваль Логось, съ другой — еще больше потому, что миссіонерская роль Израиля въ древ. мірѣ заставляла его входить въ живыя и дѣятельныя отношенія съ окружающими его языческими народами и тѣмъ самымъ обуславливала полную возможность широкаго обмѣна взаимныхъ вліяній ¹⁾. Суть дѣла не въ томъ, что Евреи что-либо заимствовали у язычниковъ, а въ томъ, что все заимствованное они претворяли въ своемъ религіозномъ сознаніи, очищая, просвѣтляя и возводя его къ теократической идеѣ.

Не вполнѣ удовлетворительнымъ кажется намъ и данный авторомъ филологическій очеркъ самаго слова „херувимъ“. Въ немъ, бѣгло приведя на двухъ страничкахъ нѣсколько устарѣлыхъ словопроизводствъ этого термина, онъ обходитъ молчаніемъ всѣ новѣйшія, истинно-научныя попытки его опредѣленія (513), хотя серьезное значеніе за ними признаеть, повидимому, и самъ авторъ (503, 506, 508—9).

Послѣдняя, четвертая глава изслѣдованія г. Глаголева даетъ обстоятельный очеркъ ветхоз. библ. ученія о злыхъ ангелахъ или дэмонахъ. Особенно хороши въ ней трактаты о „райскомъ змѣѣ“, „Азазелѣ“, „ложныхъ пророкахъ“ и „сатанѣ“ кн. Іова. Но и въ ней встрѣчаются пункты, вызывающіе на возраженія. Такова, напр. напрасная полемика автора съ персидскимъ представленіемъ объ Ариманѣ въ образѣ змѣя (553 и 688). Она излишня потому, что въ маздеизмѣ, какъ установлено это новѣйшими изслѣдованіями, никогда и не существовало подобнаго представленія; то-же, что прежде ошибочно считалось за таковое, въ дѣйствительности картинно описываетъ лишь моментъ низверженія Аримана съ неба, летѣвшаго оттуда на подобіе змѣя, или крылатаго дракона, а отнюдь не говоритъ ничего о наружномъ видѣ самаго Аримана.

Скрытымъ здѣсь отъ любопытства читателя остается также

¹⁾ Многочисленные какъ прямыя, такъ и косвенныя примѣры этого даетъ кн. проф. С. С. Глаголева „Сверхъестественное откровеніе и естеств. Богопознаніе“. Харьковъ. 1900.

то, откуда авторъ почерпнулъ свою смѣлую увѣренность, что „первые люди несомнѣнно вѣрили въ бытіе ангеловъ“ (566).

Въ сужденіяхъ автора о сходствѣ и различіи библ. ученія о злыхъ духахъ по канонич. и неканонич. литературѣ съ языческимъ, мы видимъ повтореніе тѣхъ-же недостатковъ, которые отмѣтили уже выше, въ трактатѣ о добрыхъ ангелахъ.

Въ заключеніе всей своей книги авторъ ея указываетъ на хринологическую идею, какъ на объединяющій принципъ всей библейской ангелологии и т. о. восполняетъ здѣсь пробѣлъ, допущенный въ введеніи къ ней.

Доселѣ у насъ шла рѣчь о нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ содержанія книги; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ и научныхъ приемахъ ея автора.

Со стороны своего общаго содержанія и характера, кн. доцента Глаголева отнюдь не представляетъ собой продукта самостоятельнаго изученія предмета темы, а является обычной, хотя правда хорошей, компиляціей, искусно скомпонованной по иностраннымъ, преимущественно протестантскимъ, пособіямъ. Изъ сочиненія автора не видно самостоятельнаго изученія подлиннаго текста Библии; для тѣхъ-же Еврейскихъ глоссъ, которыми (и притомъ часто съ серьезными корректурными ошибками) пестритъ его книга, достаточно умѣнья лишь читать и писать по Еврейски, да справляться со словарями Гезенія и Штейнберга.

Не видно точно также и широкаго самостоятельнаго изученія авторомъ греческаго и др. переводныхъ текстовъ, съ ихъ разночтеніями и вариантами. Мы говоримъ все это потому, что не встрѣтили въ кн. автора ясныхъ указаній ни на критическія изданія Мазоретскаго текста, ни на полиглотту Вальтона, ни на труды Кенникотта и де-Росси, ни на изданія Свита и Тишендорфа и т. п. Если-же нѣкоторые намеки на что-либо подобное по мѣстамъ и встрѣчаются, то таковыя очевидно взяты изъ вторыхъ рукъ, на что указываетъ иногда и самъ авторъ, цитую, напр. сирскій текстъ по Пфейферу (140), халдейскій таргумъ — по Розенмюллеру (240) и т. п.

Столь-же, если еще не болѣе, подозрительнымъ оказывается и собственное знакомство автора съ патристической

литературой: онъ то подробно цитуетъ по Миню такія произведенія, которыя давно переведены по-русски, то ограничивается самой глухой цитаціей не переведенныхъ и мало извѣстныхъ отцовъ (21, 81—2, 102, и др.); то, наконецъ приводитъ, безъ указанія источника, греческаго отца (Зл.) въ латинской выдержкѣ (645). Впрочемъ, авторъ особенно и не скрываетъ источниковъ своего знакомства съ патристикой, цитую наприм. Златоуста — по Корнелію (68), Вас. Вел. и бл. Августина—по догматикамъ Швана и Петавія (262, 292), Иустина Мученика, Оригена, Кирилла Алек., Злат., Феодорита, Григ. Великаго и др. оо.—по сочиненіямъ Схицера и Касманія (468).

Все это, быть можетъ, и не имѣетъ особеннаго значенія для существа дѣла; но оно прекрасно характеризуетъ самый процессъ мозаической работы автора и представляетъ серьезные недостатки съ научной точки зрѣнія. Отъ автора труда, отличающагося спеціальнымъ догматико-экзегетическимъ характеромъ, мы вправѣ требовать тщательнаго личнаго изученія текста не только въ подлинникъ, но и во всѣхъ важнѣйшихъ его переводахъ, и не менѣе широкаго, самостоятельнаго знакомства съ важнѣйшими произведеніями святоотеческой литературы. Намъ-же авторъ, вмѣсто всего этого, по его-же собственному наивно - откровенному признанію, *основнымъ* въ своей работѣ считалъ „матеріаль, собираемый имъ по крупницамъ въ различн. ветхоз. теологіяхъ, догматикахъ, комментаріяхъ, энциклопедіяхъ и спеціальныхъ монографіяхъ“ (11 и 13 стр.). Отъ этого и получилось то печальное обстоятельство, что авторъ не столько самостоятельно изучаетъ и мыслить, сколько постоянно съ кѣмъ-нибудь соглашается или противъ кого нибудь спорить. Благодаря такому обилію чужихъ какъ принимаемыхъ, такъ и опровергаемыхъ имъ мнѣній, собственный ходъ разсужденій автора иногда настолько затемняется, что, по пословицѣ, изъ-за множества деревъ у него часто не видно бываетъ лѣса.

Такое увлеченіе автора иностранными пособіями иногда дурно отражалось и на самомъ языкѣ автора, безъ нужды уснащая его рѣчь мудреными иностранными терминами, вродѣ, напр. слѣдующихъ: „кампактное выраженіе откровеній и дѣлъ“, „модалистическое и гипостатическое пониманіе ангела“, „мангическій институтъ“ и т. п.

Изъ сказаннаго видно, что научные приемы автора далеко не всегда стоятъ на должной высотѣ. Чтобы закончить свою рѣчь о нихъ, укажемъ еще на одинъ серьезный недостатокъ труда—крайнюю скудость въ немъ исагогическаго и историко - критическаго матеріала. Изслѣдуя многочисленныя и разнообразныя библейскіе тексты, взятые имъ почти изъ всѣхъ ветхозав. книгъ Св. Писанія, авторъ не только не задается вопросомъ о степени ихъ подлинности и неповрежденности, но почти вовсе не интересуется и исагогическими свѣдѣніями о самихъ книгахъ. А между тѣмъ вопросъ о времени происхожденія той или другой книги, имѣетъ крайне важное значеніе въ исторіи развитія ветхозавѣтной догмы, такъ что авторъ обязанъ былъ обратить на него самое серьезное вниманіе.

На этомъ мы думаемъ закончить свой краткій разборъ книги доцента Глаголева. Признаемся, мы, быть можетъ, съ особенной строгостью отвесили къ ея недостаткамъ и пробѣламъ; но мы сдѣлали это не потому, чтобы находили данную книгу слабой и неудовлетворительной, а скорѣй, наоборотъ, потому, что считаемъ ее дѣльнымъ и хорошимъ трудомъ, на общемъ свѣтломъ фонѣ котораго гораздо виднѣе всякіе недостатки. Большинство изъ этихъ недостатковъ находятъ себѣ оправданіе въ тѣхъ особенныхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось работать молодому автору юной у насъ науки, гдѣ такъ естественно и легко было утрачивать самостоятельность и подпадать подъ постороннія вліянія. И самыя наши указанія на тѣ или другія нежелательныя стороны труда г. Глаголева не столько имѣютъ въ виду сдѣлать ему упрекъ, сколько высказать свои *ria desiaderia* по отношенію къ весьма важной и у насъ еще новой наукѣ—библейскаго богословія.

Независимо-же отъ всего этого, сочиненіе г. Глаголева должно быть признано серьезнымъ и цѣннымъ трудомъ. Главными достоинствами его мы считаемъ достаточную полноту изслѣдованія и строгую систематичность изложенія. Авторъ выбралъ, болѣе или менѣе, всѣ ветхозавѣтныя мѣста Св. Писанія, имѣющія отношеніе къ ангелологіи, подвергъ ихъ анализу, сдѣлалъ выводы и привелъ все это въ систему. При этомъ онъ не ограничивался однимъ внѣшнимъ и чисто механическимъ сопоставленіемъ различныхъ библей-

скихъ мѣсть объ ангелахъ, но обыкновенно старался углубляться въ ихъ внутренній смыслъ и освѣщать ихъ съ точки зрѣнія одной руководящей идеи. Какъ въ самомъ истолкованіи библейскаго текста, такъ и еще больше въ его идейномъ освѣщеніи, авторъ обнаружилъ тонкую и гибкую мысль, способную къ широкимъ философскимъ обобщеніямъ. По мѣстамъ, гдѣ авторъ являлся болѣе самостоятельнымъ, онъ проявлялъ и свои филологическія способности и умѣнье работать серьезно-научно. Все это даетъ намъ право, съ похвалой отозвавшись о настоящемъ трудѣ автора, еще большаго ожидать отъ него въ будущемъ и искренно привѣтствовать въ его лицѣ новаго виднаго и серьезнаго работника на нашей библейско-богословской нивѣ.

А. Покровский.
